

УДК 913.1/913.8

МРНТИ 03.81.33

DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2025.98(2).72

Шолахов М.Г.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
Астана, Казахстан

E-mail: muri777@mail.ru

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ХАНЕ БЕРКЕ

Аннотация. Западноевропейская историография о хане Берке (1257–1266) рассматривает его правление в контексте политических, военных и религиозных изменений в Монгольской империи. Европейские источники, такие как записи путешественников Вильгельма де Рубрука, а также труды современных историков, акцентируют внимание на принятии Берке ислама, его конфликте с Хулагу-ханом и дипломатических отношениях с исламскими государствами. В историографической традиции XIX–XX веков Берке часто изображался как прагматичный правитель, балансировавший между традиционной монгольской идентичностью и исламским влиянием. Современные исследования западных ученых, включая Тимоти Мэя, Джорджа Лейна и Мари Фаваро-Думенжу, анализируют его правление с точки зрения трансформации Улуса Джучи и его влияния на дальнейшую исламизацию Золотой Орды. Антагонизм между Берке и Хулагу в западной историографии интерпретируется как борьба не только за власть, но и за идеологическое доминирование между исламизированными и буддийско-китайскими ветвями Чингисидов.

Ключевые слова: Берке-хан; Западная историография; Улус Джучи; Улуг Улус; Монгольская империя; Чингизиды; монголы мусульмане.

Введение

Историография Западной Европы, посвященная Берке-хану, представляет собой сложный и неоднозначный пласт исследований, в котором сочетаются как традиционные представления о монгольских правителях, так и влияние современных подходов к изучению межкультурных контактов. Берке, один из ключевых ханов Улуса Джучи, известен прежде всего своей ролью в принятии ислама, противостоянии Хулагу-хану и установлении дипломатических связей с мамлюками Египта. В западноевропейских источниках его образ формировался через призму восприятия монголов как угрозы христианскому миру, что отразилось на интерпретации его политических шагов.

Современные западные исследователи уделяют внимание влиянию Берке на исламизацию Золотой Орды, его дипломатическим стратегиям и внутренней политике. Особое значение придается его поддержке Арык-Буги в борьбе за верховную власть в Монгольской империи, что демонстрирует его стремление к сохранению традиционных монгольских порядков, несмотря на личное принятие ислама. Западная историография также рассматривает Берке в контексте геополитических процессов XIII века, включая его взаимодействие с европейскими правителями и роль в изменении баланса сил на евразийском пространстве. Таким образом, анализ западных исследований о Берке-хане позволяет не только лучше понять эволюцию его исторического образа, но и оценить значимость его правления в контексте средневековой Евразии.

Материалы и методы исследования

В рамках данного исследования используется комплексный подход к изучению западноевропейской историографии, посвященной Берке-хану. Основные материалы включают: Исторические источники – хроники и отчеты западных путешественников XIII–XIV веков (включая сочинения Вильгельма де Рубрука, Марко Поло), а также арабские и персидские исторические труды, такие как сочинения Ибн аль-Асира, Джузджани и Рашид ад-Дина. Западные академические исследования – труды современных западноевропейских историков, включая исследования, Тимоти Мэя, Джорджа Лейна, а также работы по истории монголов и Золотой Орды. Сравнительный анализ – сопоставление интерпретаций образа Берке-хана в западноевропейской, российской и исламской историографии. Метод исторической реконструкции – анализ ключевых событий правления Берке-хана (принятие ислама, конфликт с Хулагу, поддержка Арык-Буги) с целью выявления их трактовки в западной историографии. Герменевтический метод – критический разбор текстов, их контекста и возможного влияния политических и культурных факторов на представления западных историков о Берке-хане. Компаративный метод – анализ различий в подходах западных и восточных исследователей к оценке правления Берке-хана, его роли в истории Монгольской империи и Золотой Орды. Применение данных методов позволяет выявить особенности западноевропейского взгляда на правление Берке-хана, а также проследить трансформацию его образа в историографии от средневековья до современности.

Результаты исследования

Чарльз Тернер в своей книге Чингизиды упоминает, что мать хана Берке была хорезмийкой, принцессой Хан-Султан [1, с. 69]. Данная версия была озвучена французским историком Жаном Ришаром, который пытался установить причинно-следственную связь между принятием ислама монгольским ханом и его возможным хорезмийским происхождением. Однако историк Джек Уилсон подверг критике эту точку зрения.

Согласно свидетельству аль-Муфаддала, мамлюкское посольство, прибывшее к Берке в начале 1260-х годов, зафиксировало, что на тот момент ему было около 56 лет. Это позволяет предположить, что он родился в период между 1205 и 1210 годами, то есть за десятилетие до начала Хорезмской кампании, когда его отец ещё находился в Монголии. Дополнительно, персидский историк Джувейни, служивший при дворе монголов и писавший в 1250-х годах, указывает, что к моменту смерти Джучи Берке и многие из его братьев уже достигли зрелого возраста. Таким образом, Джек Уилсон доказывает, что, версия о его хорезмийском происхождении представляется маловероятной [2, с. 4].

Тем не менее, возможно, что мать Берке была монголкой, но его кормилицей могла быть мусульманка, что могло способствовать формированию у хана привязанности к исламу. Также Мари Фаваро, Чарльз Бобридж и Хенри Ховорз упоминают, что мать хана Берке была хорезмийкой [3, с. 231–232]. Информация о том, что Джучи интересовался Хан-Султан, является весьма сомнительной.

Ислам и Берке. Обращение хана Берке в ислам также тщательно изучал Джек Уилсон, который отмечал, что на его мировоззрение значительное влияние оказала его кормилица-мусульманка [2, с. 4]. Питер Джэксон указывает, что важную роль в принятии ислама Берке сыграл Сайфуддин Бахарзи, который был учеником Наджм ад-Дина Кубры [4, с. 345]. Этот исламский деятель действительно существовал, и, как Хубилай опирался на буддийских монахов, так и Берке стал покровителем исламских теологов.

Де Виз также упомянул, что кормилицей хана могла быть хорезмийка [5, с. 86]. Подобную психологическую привязанность можно проследить на примере последнего маньчжурского императора Генри Пу И, который был настолько близок со своей

кормилицей Ван Цзюйин, что считал её единственным человеком, искренне заботившимся о нём. В своих мемуарах «Я был императором» он описывает, что её уход стал для него сильнейшим психологическим потрясением, усилившим чувство одиночества и оставленности [6, с. 70–76]. Личная привязанность Берке к своей кормилице-мусульманке могла способствовать его интересу к исламу и последующему обращению в эту религию.

Питер Джэксон приводит цитату Джудзани, согласно которой рассказ о роли приёмной матери в обращении Берке может быть связан не столько с реальными событиями его детства, сколько с более древними степными тюркскими сюжетами. Например, первый мусульманский правитель из династии Караханидов, согласно преданию, отказался от молока матери, пока она не приняла ислам. В более поздней версии Шаджарат ал-атрак XV века этот сюжет был переработан и приукрашен [4, с. 349].

Политическая роль Берке. Немецкий исследователь Бертольд Шпулер рассматривал Берке в положительном ключе. В своей книге Монголы на Руси он, опираясь на исламские источники, писал, что Дешти-Кипчак также назывался «улусом Берке» [7, с. 40]. Однако, поскольку в 1312 году Узбек-хан утвердил ислам как государственную религию, в исторической памяти возник новый образ монгольских правителей-мусульман, и значение Берке несколько отошло на второй план.

При Берке Улус Джучи фактически превратился в независимое государство, которое не стремилось подчиняться монгольскому центру. Ислам, в свою очередь, побуждал его дистанцироваться от родственников, не исповедовавших эту веру. Тем не менее тот факт, что основные силы монголов находились под контролем Хубилая, не вызывал у Берке особого беспокойства. Как потомок старшего сына Чингисхана Джучи, он имел полное право провозгласить себя независимым правителем.

Шпулер полагал, что союз Арык-Буги с Берке против Хубилая и Хулагу был противостоянием кочевой и оседлой цивилизации [7, с.48]. Арабы, особенно в доисламский и раннеисламский периоды, как и монголы, являлись носителями кочевой культуры, в которой ключевую роль играли родоплеменные связи и строгая фиксация происхождения. Знание своей генеалогии (насаб), поддержание родственных и племенных структур имело важнейшее значение как для социальной организации, так и для легитимации власти. Родовая структура у арабов была не просто элементом социальной ткани, а "опорной системой идентичности", сохранявшейся даже после урбанизации и исламизации. Аналогично, в монгольской традиции, как отмечает историк

Таким образом, обе культуры — арабская и монгольская — демонстрируют сходство в сохранении кочевой социокультурной основы, где родовая преемственность и память о происхождении формировали устойчивые модели политического и общественного устройства.

Берке-хан поддержал Арык-Бугу в борьбе за власть в Монгольской империи против Хубилая по нескольким важным причинам:

1. Сохранение традиционного монгольского порядка.

Арык-Буга представлял интересы традиционной монгольской знати и степной аристократии, тогда как Хубилай опирался на китайскую бюрократическую систему. Берке-хан, несмотря на принятие ислама, оставался монголом по духу и был привержен традициям Чингисхана, которые Хубилай постепенно отодвигал в сторону.

2. Противостояние Хубилаю как представителю китайского влияния.

Хубилай перенес столицу Монгольской империи в Китай (Ханбалык, современный Пекин) и все больше ориентировался на китайскую культуру и систему управления. Это вызывало недовольство степных монголов, включая Берке-хана, который опасался усиления китайского влияния и отхода от традиционной кочевой монгольской модели правления.

3. Стремление к независимости Улуса Джучи.

Поддержка Арык-Буги давала Берке-хану возможность ослабить власть Великого хана и, возможно, укрепить автономию Улуса Джучи. Если бы Хубилай победил и стал неоспоримым правителем всей империи, он мог бы потребовать от Берке большей подчиненности, что шло вразрез с его интересами.

4. Напряженные отношения с Хулагу, союзником Хубилая.

Хубилай был союзником своего брата Хулагу, правителя Илханата, с которым Берке вел открытую вражду. Берке-хан осуждал Хулагу за разрушение Багдада и убийство халифа в 1258 году, а также за братоубийственные войны против других монголов. Поддержка Арык-Буги была для Берке способом ослабить коалицию Хубилая и Хулагу.

5. Религиозный фактор. Хотя Арык-Буга не был мусульманином, он был более традиционным монгольским правителем, не отдававшим предпочтение буддизму (в отличие от Хубилая). Берке, приняв ислам, мог видеть в Хубилае потенциального противника исламского мира, особенно учитывая его связь с буддийскими кругами в Китае и Тибете.

6. Личные отношения.

Арык-Буга происходил из основного монгольского центра, Каракорума, и был более связан с традиционной элитой. Берке-хан мог чувствовать с ним большее родство и солидарность, чем с Хубилаем, который все больше отдалялся от традиционного монгольского уклада.

Именно Берке хан утвердил религиозно-политический курс Улуса Джучи. Джордж Лейн отмечает, что, в отличие от персов, которые относились к Берке с недоверием, итальянская семья Поло подчеркивала его вежливость и великодушие [8, с. 120]. Важным свидетельством является сообщение Марко Поло:

«В 1261 году произошел крупный конфликт между Алаем, правителем восточных татар, и Берке, правителем западных татар, из-за территории, расположенной на границе их владений. Каждый из них стремился завладеть этой областью, и ни один не желал уступать её другому» (Марко Поло, 1997, с. 371).

Британский историк Джордж Лейн утверждал, что связи Берке с египтянами основывались на исламском братстве [8, с.119]. Он, ссылаясь на труды Джувейни, считал требования хана Берке законными, поскольку Чингисхан провозгласил, что все западные земли, завоеванные монголами, принадлежат дому Джучи. Следовательно, Анатолия и Кавказ должны были быть частью Улуса Джучи на законных основаниях. На основании цитаты аль-Умари Лейн доказывал, что до прихода Хулагу-хана эти территории находились под контролем хана Бату [8, с.122].

Джереми Кэтрин отмечает, что Берке не был похож на Сартака. Озлобленный из-за неудачи в Кавказской кампании против своего двоюродного брата Хулагу, он без особой необходимости задержал Александра Невского на всю зиму, затем на всё лето, и лишь поздней осенью отправил его обратно. Ослабленный долгим ожиданием, Александр Невский, не доехав до Владимира, скончался [9, с. 308]. В отличие от других историков, Джереми Кэтрин рассматривала этот эпизод преимущественно в негативном контексте. Однако её суждения остаются эмоционально окрашенными и противоречивыми, поскольку в конечном итоге Берке одержал победу над Хулагу.

Несомненно, Берке гордился своим монгольским происхождением, однако, в отличие от Сартака, не был высокомерным. Как отмечал Рубрук, Сартак, несмотря на свою приверженность христианству, не считал себя полноценным христианином, поскольку, по его мнению, принадлежность к данной религии определялась не верой, а этнической принадлежностью [10, с.114-115]. Он полагал, что истинный христианин, познавший веру, становился частью монгольского мира или просто монголом.

Сартак, без сомнения, испытывал гордость за своё происхождение. В отличие от него, Берке проводил более мягкую политику по отношению к своим подданным, проявляя осторожность в управлении. Он опирался на дипломатию и диалог как с мусульманскими лидерами, так и с представителями различных народов Улуса Джучи. Способность находить общий язык с подданными сделала его популярным среди населения. Высокомерие Сартака могло быть связано с его христианской верой в среде преимущественно языческих и мусульманских элит. Это могло порождать конфликтные ситуации, особенно с традиционными монгольскими нойонами, которые видели в нём чуждое влияние. Однако его внезапная смерть в 1256 году не позволила ему оставить значительный след в истории, и потому оценки его личности остаются противоречивыми.

Питер Джэксон был уверен, что Чингизиды не теряли из виду цель завоевания мира и после 1260 г. В контексте дипломатических обменов Берке с султаном Байбарсом мамлюкский автор приводит его слова с сожалением:

«Если бы мы оставались едины, мы могли бы завоевать весь мир».

Действительно, Энн Бродбридж приводит доказательства того, что Берке рассматривал своего союзника Байбарса как подвластного правителя [4, с. 191]. Берке не утратил монгольского самосознания, но в то же время считал себя защитником исламской уммы, которая могла заменить турок и арабов на этом поприще. Согласно академическому мнению, Берке не только стремился сохранить культурную идентичность монгольского правителя, но и активно использовал ислам в качестве политического инструмента.

Несмотря на приверженность исламу, Берке сохранял верность традиционным монгольским обычаям. Это подтверждается его поддержкой Ариг-Буги как главного хана Монгольской империи. Особое негодование Берке вызвали действия Хулагу, который, по его мнению, предал монгольские традиции, вступив в братоубийственную войну. Монгольское происхождение определило его панмонголоистские взгляды, а принятие ислама – панисламские устремления. Сочетание этих двух идеологий формировало его образ как «хана правоверных». Возможно, Берке стремился объединить монгольские племена под знаменем ислама. Чарльз Тернер приводит слова ибн Василя, согласно которым Берке после битвы при реке Терек воскликнул:

«Да посрамит Аллах этого Хулагу, погубившего монголов мечами монголов» [1, стр.76].

Тем не менее, даже после обращения в ислам Берке не утратил связи с монгольской идентичностью. Вопрос о том, владел ли он арабским языком и мог ли читать Коран в оригинале, остается открытым. Монгольский язык имеет значительные фонетические различия с арабским, что затрудняло произношение коранических текстов. В источниках отсутствуют сведения о его теологических познаниях, однако достоверно известно, что его обращение в ислам было искренним.

Принятие ислама Берке принесло ему несколько значительных преимуществ:

1. *Политические причины.* Укрепление власти: ислам способствовал централизации государства и подчинению местных правителей. Союзы с исламскими государствами: ислам позволял заключать династические браки, например, с представителями мамлюкской династии.

2. *Избежание конфликтов с мусульманскими соседями:* принятие ислама снижало вероятность объявления «священной войны» против Улуса Джучи. Обеспечение лояльности мусульманского населения, включая торговцев и религиозных деятелей.

2. *Военные причины.* Поддержка со стороны исламских государств, которые могли оказывать военную помощь. Кроме того, в составе его армии значительную часть составляли тюркские и мусульманские воины, на лояльность которых он мог рассчитывать, приняв ислам.

3. *Культурные и социальные причины.* Сплочение населения: единая религия способствовала формированию общей системы ценностей и легитимизации власти хана.

4. *Развитие образования.* Ислам способствовал распространению письменности и юридических норм, что укрепляло государственный аппарат.

5. *Переход на тюркский язык: Сложность монгольской письменности затрудняла изучение ислама, что способствовало распространению тюркского языка.*

Имя хана Берке. Тимоти Мэй в своей книге приводит доказательства Де Виза о том, что монгольские ханы, такие как Берке и Туда-Мэнгу, не принимали исламские имена, отмечая, что религиозность монголов Улуса Джучи была поверхностной. Учёный намекнул, что отказ ханов менять свои имена доказывает второстепенное значение ислама для них (11, стр.181-182). Шариат, с одной стороны, не предписывает обязательную смену имени при принятии ислама. Шейх Баррак утверждал, что изменение имени новообращённого является нововведением. Главное, по его мнению, чтобы имя не имело отрицательного значения, противоречащего исламским принципам. Саудовский шейх Ибн Баз также отмечал, что смена имени на исламское — это похвальное, но необязательное действие [12, стр. 404]. Таким образом, Берке не нарушал принципы шариата, а тот факт, что он не сменил своё имя на исламское, не означает поверхностного принятия им веры. В Улусе Джучи лишь монгольская высшая аристократия, окружённая шейхами и исламскими теологами, глубже понимала принципы шариата. Другой знаток шариата, Ибн Каййим, утверждал, что допустимо называть правителей именами Аль-Кахир (ره اقل) или Аз-Захир (ره اظلا), но недопустимо использовать такие имена, как Аль-Джаббар (ره اب جلا), Аль-Мутакаббир (ره بكت ملا), Аль-Авваль (له وال), Аль-Ахир (له خال), Аль-Батын (له ظال) и Аллямуль-Гуюб (له بوي غلا مالع), [13]. Союзник хана Берке — Байбарс — называл себя Аз-Захиром, что не противоречило шариату, поскольку в тафсирах это имя означает «Явный, понятный». Следовательно, имя хана Берке соответствовало шариатской догме. Однако подобные отклонения были характерны для новообращённых монгольских ханов. Фламур Вехапи писал, что Берке — это распространённое имя среди монголов и тюрков. В монгольском языке оно переводится как «трудный, грубый» [14, с.26].

Одежда и внешность хана Берке

Несмотря на свою приверженность исламу, Берке не всегда следовал строгим канонам шариата в одежде. В 1263 году, во время аудиенции египетских послов, он облачился в шёлковый кафтан и пояс из зелёной кожи волжских булгар, украшенный золотом и жемчугом. Вместо традиционной сабли на поясе висели рога, выполненные из золота [6, с.387]. Берке, вероятно, был единственным ханом Улуса Джучи, проявлявшим особую склонность к роскошным нарядам. Возможно, его пристрастие к дорогой одежде вдохновлялось облачениями китайских императоров.

Груссе, ориентируясь на арабские источники, считал, что Берке был настоящим монголом по внешности [15, с.417].

Чарльз Тернер, ссылаясь на сведения арабского историка Аль-Муфаддаля, также описывает внешность Берке следующим образом: широкое лицо жёлтого оттенка, редкая борода, волосы, зачёсанные за уши. Это описание соответствует характерным чертам монголоидной расы. Монголы, как правило, имели брахицефальную (широкую) форму головы и слабо выраженную растительность на лице, что было типично для большинства монгольских народов. Источники отмечают, что Берке носил шёлковый кафтан, золотой пояс, инкрустированный драгоценными камнями, золотое кольцо с камнем в ухе, а также колпак и обувь из красной шагреновой кожи. На его кушаке находились чёрные витые рога, покрытые золотом [1, с.68]. Возможно, эта мода была заимствована под влиянием китайской культуры, поскольку на раннем этапе Улус Джучи поддерживал тесные связи с

Китаем. Однако со временем, в результате политической изоляции и обособления Улуса, эти контакты ослабли.

Несмотря на приверженность исламу, Берке далеко не всегда придерживался нормального шариатского дресс-кода. Как говорится в достоверном хадисе, сподвижник Пророка Мухаммада имам Али передал:

«Пророк (да благословит его Всевышний и приветствует) взял в левую руку [ткань из натурального] шёлка, а в правую — золото. Поднял обе руки и воскликнул: "Эти две вещи для мужчин из числа моих последователей запретны, а для женщин — разрешены"» [16].

Шелк разрешен и в некоторых случаях:

Передается от Анаса, да будет доволен им Аллах: «Посланник Аллаха разрешил во время путешествия 'Абду-р-Рахману ибн 'Ауфу и аз-Зубайру ибн аль-'Аввamu носить шёлковые рубахи, потому что они страдали от чесотки».

Можно сказать, что Берке был знаком с исламом с детства и испытывал симпатии к этой вере, однако окончательно принял её лишь в зрелом возрасте. Если бы он с детства был мусульманином, он не носил бы подобные одежды.

Берке придавал значение исламским пищевым правилам, что подтверждает Рубрук, отмечая: «Берка считает себя сарацином и запрещает употребление свиного мяса при своем дворе» [10, с. 117]. Трудно судить, насколько актуальным было поедание свинины в монгольской кочевой ставке, особенно если учесть слова Карпини о том, что свиней в их стадах не держали [10, с. 28]. Монголы свиней не разводили, поэтому отказ таких пристрастий оказался легким делом. Лошади, овцы, козы, коровы и верблюды идеально подходили для этого — они могли пастись на открытой местности и обеспечивать молоко, мясо, шерсть и транспорт. Свиньи же требуют более оседлого содержания, так как они не приспособлены к дальним переходам и не могут эффективно пастись в степи.

Семья хана Берке, По свидетельствам Филлипа, Берке не оставил сыновей, а имел только дочерей [17, с. 144]. Он не проявлял особого стремления к личной власти и не назначал своих родственников в качестве наследников, следуя принципам преемственности Чингисхана. Жена хана Берке, Чичек-хатун, также была мусульманкой. Имя Чичек означает «цветок» на тюркском языке, а цэцэг — на монгольском. Старшая жена Берке носила имя Тагтагай-хатун, а две другие – Джиджек-хатун и Кехар-хатун. Аль-Муфаддаль отмечает, что у него не было сына [18, с.193].

Любознательность и дипломатические интересы. Берке проявлял широкий кругозор и интерес к различным аспектам окружающего мира. Так, согласно Бертольд Шпулеру, в 1263 году хан расспрашивал египетских послов о диковинных животных, таких как слоны и жирафы, а также об особенностях климата Египта. В частности, его интересовало, как часто там идут дожди. Помимо этого, он задавал вопросы, основанные на распространенных стереотипах, например, существует ли в стране фараонов мост, построенный из человеческих костей [7, с. 307].

Военные кампании и отношение к европейским государствам. Став ханом, Берке направил своих военачальников Бурундая и Ногая на подавление восстания, поднятого галицким князем Даниилом и его сыном Львом. Успешное наступление войск Улуса Джучи вызвало тревогу у папы римского Урбана IV, а также у европейских монархов, опасавшихся нового монгольского вторжения [17, с. 144]. Берке осознавал, что принятие ислама накладывает определенные ограничения на его возможность расширения западной части государства, поскольку новые завоевания потребовали бы столкновения с христианскими державами.

Переписка Берке с султаном Бейбарсом. Французская исследовательница Мари Фаваро-Думенжу анализирует письмо хана Берке к мамлюкскому султану Бейбарсу. Последний был кипчаком, изгнанным монголами из Центральной Азии, но исламская

вера объединила его с Берке. В письме хан обращается к султану с призывом вести джихад против неверных, даже если они являются его родственниками. Он ссылается на примеры из жизни пророка Мухаммеда, который боролся с курайшитами, подчеркивая, что религиозная принадлежность должна стоять выше родственных связей. В письме также содержится критика в адрес Хулагу, оказавшегося под влиянием своей христианской супруги [19, с. 104].

С теологической точки зрения, письмо Берке подтверждает его понимание исламских законов, согласно которым преданность Аллаху стоит выше родственных уз. Коран неоднократно подчеркивает это:

«Верующие не должны брать неверных своими друзьями вместо верующих. А кто поступает таким образом, тот не имеет никакого отношения к Аллаху» (20). «О те, которые уверовали! Не берите своих отцов и братьев себе в друзья, если они предпочли вере неверие. А те из вас, которые берут их себе в друзья, являются несправедливыми» (21).

Несмотря на это, Берке был осторожен в религиозной политике. Он не пытался насильно обратить в ислам своих монгольских сородичей, поскольку законы Ясы Чингисхана предоставляли подданным свободу вероисповедания. На раннем этапе ислам не пользовался широкой поддержкой среди монгольской элиты, так как первые поколения чингисидов были менее склонны к культурной ассимиляции. Однако уже во времена Узбек-хана процесс исламизации Улуса Джучи достиг кульминации, а значительная часть монгольской знати подверглась тюркизации и приняла исламские постулаты. Шпулер в своей книге *Монголы в России* отметил, что в 1262 году хан Берке приказал перевести арабские рукописи на тюркский язык, а не на монгольский. Это свидетельствует о постепенном усилении влияния тюркской культуры в Улусе Джучи. Тюркский язык начал применяться уже в официальных документах, позднее превратившись в вариант, схожий с чагатайским языком [7, с. 254]. Берке-хан, приняв ислам, столкнулся с необходимостью распространения новой религии среди своих подданных, но при этом он учитывал языковую ситуацию в Улусе Джучи. Вот несколько причин, почему переводы арабских рукописей осуществлялись именно на тюркский, а не на монгольский язык:

1. *Доминирующая роль тюркского языка в Улусе Джучи.*

Улус Джучи был многонациональным государством, в котором значительную часть населения составляли тюркские народы (кипчаки, болгары, кумыки и др.). Монгольские завоеватели, хотя и управляли государством, находились в меньшинстве, а тюркские языки широко использовались в администрации и торговле.

2. *Языковая адаптация правящей элиты.*

Постепенно монгольская элита Улуса Джучи стала перенимать язык местного населения. Уже при Берке-хане многие знатные монголы начинали говорить на тюркском, а со временем этот процесс привел к полной тюркизации Золотой Орды.

3. *Сложность монгольской письменности.*

Монгольская письменность, основанная на уйгурском алфавите, не была широко распространена за пределами узкого слоя монгольской знати. В то же время тюркские народы, такие как волжские болгары, уже имели развитые традиции письменности, в том числе на основе арабской графики.

4. *Связь с мусульманским миром.*

Арабский язык был языком религии, науки и дипломатии в исламском мире. Однако для эффективного донесения исламских учений до населения требовались переводы, и тюркский язык был более понятен и доступен, чем монгольский.

5. *Прецеденты в исламских странах.*

В мусульманских государствах уже существовали традиции перевода арабских текстов на местные языки (например, на персидский). Берке-хан мог ориентироваться на

этот опыт, чтобы сделать исламские тексты доступными своим подданным. Таким образом, перевод арабских рукописей на тюркский язык был практичным решением, соответствовавшим политическим, социальным и культурным реалиям Улуса Джучи. Это способствовало исламизации Орды и интеграции её в мусульманский мир.

6. *Монгольский язык не подходил для изучения исламских текстов*, Тогда как тюркский язык был более удобен для изучения сур и аятов Корана. Религиозные мотивы играли важную роль в политических решениях Берке, но он не проводил насильственной исламизации, стремясь сохранять баланс между исламскими принципами и монгольскими традициями.

7. *Отношения с другими монгольскими правителями*. Историк Тимоти Мэй подчёркивает, что великий хан Мункэ испытывал недоверие к Берке. Даже Бату, возможно, опасался, что обращение Берке в ислам изменит его отношение к традиционным монгольским устоям. Однако эта точка зрения не является единственной. Мэй цитирует слова Лейна, согласно которым одной из целей Хулагу было создание собственного королевства на территории Багдада, Сирии и Египта, что могло послужить причиной для конфликта между Берке и Хулагу [9, p. 69].

Галперин отмечал, что после смерти хана Берке в 1266 году его политика привела к окончательному утверждению ислама на территории Улуса Джучи [22, стр. 29].

Чем религиознее был хан Улуса Джучи, тем сильнее он понимал значимость науки. Шпулер отмечал, что Берке, Узбек и Жанибек покровительствовали науке [23, с. 378]. После исламизации элиты Орды (особенно начиная с Узбека-хана, правившего с 1312 г.), научное знание, особенно в формах, соответствующих исламской традиции — богословие, юриспруденция, астрономия, медицина, математика и история — приобрело высокий авторитет.

Сомнительно смотрел на искреннюю приверженность исламу французский историк Жан-Поль Ру. Он считал, что монгольские ханы придерживались веры неискренне, якобы они говорили то, что нравилось слышать их подданным, ведь это было удобно, — сетовал историк [24, стр. 377]. Также он отмечал поверхностность ислама хана Берке [24, стр. 379]. Берке стал мусульманином в стране, которая не была мусульманской. Унаследовав тюркский мир, он питал традиционное презрение к иранцам [24, стр. 395]. Хотя широкие массы монгольского населения в Улусе Джучи либо не принимали ислам вовсе, либо исповедовали его поверхностно, представители правящей элиты могли позволить себе более глубокое знакомство с исламской теологией — во многом благодаря привлечению исламских учёных, проповедников и суфиев ко двору. Тем не менее, как отмечает французский историк Жан-Поль Ру, принятие ислама такими правителями, как Берке и Менгу-Темур, вызывало определённую терпимость со стороны монгольского окружения лишь постольку, поскольку за внешней оболочкой мусульманского благочестия сохранялась «монгольская душа» этих ханов [24, с. 157]. Существует вероятность, что в данном случае имеет место ошибка перевода или путаница с **Тудой Менгу**, однако **Менгу Темур** не был мусульманином. Несмотря на влияние ислама среди монгольской элиты в период его правления, он оставался приверженцем традиционных монгольских верований. Это подчёркивает двойственную природу религиозной политики: демонстративное принятие ислама как средства внешней легитимации и одновременно сохранение традиционных ценностей и мировоззрения кочевой аристократии. 'Совмещение исламского внешнего вида с традиционными верованиями: Когда монгольские ханы, такие как Берке или Узбек, приняли ислам, они, по сути, оставались верными своим традиционным монгольским и кочевым ценностям. Это могло напоминать гибридную форму религиозной практики, где исламские обряды были приняты внешне, но сохранялись старые традиции монгольского мировоззрения и духовности. Такой подход можно было бы назвать "монгольским джаддизмом", если бы

мы рассматривали это как попытку обновления религиозной практики на основе исламской формы, но с сохранением старой культурной идентичности.

Заключение

В средневековых западных источниках, таких как записки Вильгельма де Рубрука, образ Берке-хана представлен с некоторой долей предвзятости. Его принятие ислама и конфликт с Хулагу трактуются скорее как политическая измена монгольскому единству, нежели как стратегическое укрепление власти Золотой Орды. В современных западноевропейских исследованиях, напротив, акцент делается на политической прагматичности Берке и его роли в исламизации Улуса Джучи.

Западные историки часто рассматривают принятие ислама Берке-ханом через призму религиозного влияния его окружения, в том числе кормилицы и придворных советников. Однако современные исследования показывают, что исламизация его политики была обусловлена не только личными убеждениями, но и прагматичными целями – укреплением союзов с мусульманскими государствами и централизацией власти.

Западные историки в целом подчёркивают раскол между Берке и Хулагу как один из факторов ослабления Монгольской империи. При этом они рассматривают Берке не только как защитника ислама, но и как прагматичного правителя, использующего религию в качестве инструмента внешней политики.

В западной историографии отмечается, что Берке-хан был одним из первых монгольских правителей, который активно использовал дипломатические связи с мусульманскими государствами, в частности с Египетским султанатом мамлюков. Это помогло укрепить позиции Золотой Орды и заложило основы её дальнейшей исламизации при хане Узбеке.

Поддержка Берке-ханом Арык-Буги в борьбе против Хубилая традиционно рассматривалась в западной историографии как противостояние между традиционалистским и синто-китайским направлениями в монгольской политике. Однако современные исследования уточняют, что Берке действовал скорее из соображений баланса сил, стараясь предотвратить чрезмерное усиление императора коренного юрта Хубилая.

Важным аспектом политики Берке стало начало процесса перехода административного и литературного языка Золотой Орды с монгольского на тюркский. Западные историки связывают это с увеличением влияния тюркских элит и необходимостью адаптации правящей династии к многоэтничному составу населения Улуса Джучи.

Современные исследования западных историков всё больше отходят от средневековых предвзятых представлений о Берке как о «предателе» Монгольской империи. Внимание смещается на его роль как дальновидного политика, способного адаптироваться к меняющейся геополитической ситуации, что делает его одним из ключевых правителей своего времени.

Таким образом, западноевропейская историография о Берке-хане претерпела значительную эволюцию – от негативного восприятия в средневековых источниках до более объективного анализа его правления в современных исследованиях.

Благодарности

Благодарность. Статья подготовлена и опубликована при финансовой содействии Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)» (ИРН № BR21882308)

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Чарльз Тернер. *Чингизды, великие ханы Монгольской империи*. Москва: Издательство АСТ, 2024.
- [2] Уилсон Дж. *Обращение хана Берке*. 2021. Academia.edu.
- [3] Бродбридж А. *Женщины и создание Монгольской империи*. 2018, с. 231–232; Ховорт Х. *История монголов (II)*. 1880, с. 103; Фаверо М. *Орда*. 2021, с. 19.
- [4] Джексон П. *Монголы и исламский мир: от завоевания до обращения в ислам*. 2017.
- [5] ДеВиз Д. *Исламизация и исконная религия в Золотой Орде*. 2010, с. 86.
- [6] Генри Пу И. *Последний маньчжур: автобиография Генри Пу И, последнего императора Китая*. Под редакцией Пола Крамера. Перевод Цай Куо Инга Пола. Skyhorse, 2010 [1965].
- [7] Шпулер Б. *Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг.* Перевод с немецкого и комментарии С.Ю. Чупрова. Москва: Центрполиграф, 2021.
- [8] Лейн Д. *Краткая история: Монголы*. Перевод с английского Т. А. Сафиной. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 304 с.
- [9] Джереми Кэтрин. *Монголы на Руси. Русские князья против ханов восточных кочевников*. Перевод с английского Л.А. Карповой. Москва: Центрполиграф, 2022. 511 с.
- [10] Робрук Г. *Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Робрука / Под ред. Н. П. Шастиной*. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.
- [11] Мэй Т. *Монгольские завоевания в мировой истории*. (Globalities), 950.2-dc22.
- [12] *Фатава Исламийя*, 4-404.
- [13] *Тухфат аль-Мавдуд*.
- [14] Фламур Вехапи. *Хан Берке*. Crescent Books, 2024. LLC, Портленд, Орегон.
- [15] Гроссе Р. *История Центральной Азии*. Перевод с французского Вила Мирзаянова.
- [16] Ибн Маджа М. *Сунан [Свод хадисов]*. Эр-Рияд: аль-Афкяр ад-дауля, 1999. С. 388, хадис № 3595, «сахих»; Абу Дауд С. *Сунан Аби Дауд [Свод хадисов Абу Дауда]*. Эр-Рияд: аль-Афкяр ад-дауля, 1999. С. 444, хадис № 4057, «сахих»; *Мусульманская правовая энциклопедия Кувейта*. В 45 т. Кувейт: Министерство вакфов и исламских дел, 2012. Т. 17. С. 206.
- [17] Филлипс Э.Д. *Монголы. Основатели империи Великих ханов*. Перевод с английского О.И. Перфильева. Москва: Центрполиграф, Внешторгпресс, 2003. 174 с. (*Загадки древних цивилизаций*).
- [18] Из сочинения Эдмуфаддала // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. 1: Извлечения из сочинений арабских.
- [19] Фаверо-Думенжу М. *Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263 г.)*. // *Золотоордынская цивилизация*. 2011, № 4, с. 101-113. EDN RWTGWD.
- [20] *Коран: Али Имран* 3:28;
- [21] *Коран: ат-Тауба* 9:23.
- [22] Халперин К. *Россия и Золотая Орда*. 1987, с. 29.
- [23] Шпулер Б. *Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг.* / Перевод с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.
- [24] Жан Поль Ру. *История империи Монголов* / пер. с фр. З. З Сажиновой; науч. р. П.Б Коновалов, С.Ш. Чагдуров. -Улан Удэ.

REFERENCES

- [1] Charlz Ternер. Chingizidy, velikie khany Mongol'skoy imperii [Genghis Khan, the Great Khans of the Mongol Empire]. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2024 [in Russian].
- [2] Uilson Jack. Obrashchenie khana Berke [Appeal from Khan Berke]. 2021. Academia [in English].
- [3] Brodbridzh A. Zhenshchiny i sozdanie Mongol'skoy imperii [Women and the Creation of the Mongol Empire]. 2018, s. 231–232; Khovort Kh. Istoriya mongolov [History of mongols] (II). 1880, s. 103; Favero M. Orda [Horde]. 2021, s. 19 [in English].
- [4] Dzhekson P. Mongoly i islamskiy mir: ot zavoevaniya do obrashcheniya v islam [The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion to Islam]. 2017 [in English].
- [5] DeViz D. Islamizatsiya i iskonnaia religiia v Zolotoy Orde [Islamization and Native Religion in the Golden Horde]. 2010, s. 86 [in Russian].
- [6] Genri Pu I. Posledniy man'chzhur: avtobiografiya Genri Pu I, poslednego imperatora Kitaya [The Last Manchu: The Autobiography of Henry Pu Yi, the Last Emperor of China]. Pod redaktsiyey Pola Kramera. Perevod Tsay Kuo Inga Pola. Skyhorse, 2010 [1965] [in English].
- [7] Shpuler B. Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii [Mongols in Russia]. 1223–1502 gg. Perevod s nemetskogo i kommentarii S.Yu. Chuprova. Moskva: Tsentrpoligraf, 2021 [in Russian].
- [8] Leyn D. Kratkaya istoriya: Mongoly [Brief History: The Mongols]. Perevod s angliyskogo T. A. Safinoy. Moskva: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020. 304 s [in Russian].
- [9] Dzheremiya Ketrin. Mongoly na Rusi. Russkie knyaz'ya protiv khanov vostochnykh kochevnikov [Mongols in Rus'. Russian princes against the khans of the eastern nomads]. Perevod s angliyskogo L.A. Karpovoy. Moskva: Tsentrpoligraf, 2022. 511 s [in Russian].
- [10] Robruk G. Puteshestvie v vostochnye strany // Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Robruka [Journey to the Eastern Countries] // Journey to the Eastern Countries of Plano Carpini and Robruca] / Pod red. N. P. Shastinoy. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury, 1957 [in Russian].
- [11] May Timothie. Mongol'skie zavoevaniya v mirovoy istorii. [Mongol conquests in world history] (Globalities), 950.2-dc22 [in English].
- [12] Fatava Islamiya [Fatava Islamiya], 4-404 [in Arabic].
- [13] Tukhfat al-Mavdud.[Tukhfat al-Mavdud] [in Arabic]
- [14] Flamur Vekhapi. Khan Berke [Khan Berke]. Crescent Books, 2024. LLC, Portland, Oregon [in English].
- [15] Grosse R. Istoriya Tsentral'noy Azii [History of Central Asia]. Perevod s frantsuzskogo Vila Mirzayanova [in Russian].
- [16] Ibn Madzha M. Sunan [Svod khadisov]. Er-Riyad: al-Afkyar ad-davliya, 1999. S. 388, khadis № 3595, «sakhikh»; Abu Daud S. Sunan Abi Daud [khadiso of Abu Dauda]. Er-Riyad: al-Afkyar ad-davliya, 1999. S. 444, khadis № 4057, «sakhikh»; Musul'manskaya pravovaya entsiklopediya Kuveyta. V 45 t. Kuveyt: Ministerstvo vakfov i islamskikh del, 2012. T. 17. S. 206 [in Arabic].
- [17] Fillips E.D. Mongoly. Osnovateli imperii Velikikh khanov [The Mongols. Founders of the Empire of the Great Khans]. Perevod s angliyskogo O.I. Perfil'eva. Moskva: Tsentrpoligraf, Vneshtorgpress, 2003. 174 s. (Zagadki drevnikh tsivilizatsiy) [in Russian].
- [18] Iz sochineniya Ed'mufaddalya // Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. [From the work of Edmufaddal // Collection of materials related to the history of the Golden Horde] — T. 1: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh [in Russian].
- [19] Favero-Dumenzhu M. Pervoe pis'mo khana Berke sultanu Beybarsu po mamlukskim istochnikam (661/1263 g.) [The First Letter of Khan Berke to Sultan Baybars According to

Mamluk Sources]. // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. 2011, № 4, s. 101-113. EDN RWTGWD [in English].

[20] Koran: Ali 'Imran 3:28; [in Arabic]

[21] Koran: at-Tauba 9:23.[in Arabic]

[22] Khalbperin K. Rossiya i Zolotaya Orda [Russia and Golden Gorde]. 1987, s. 29. [in Russian].

[23] Shpuler B. Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii [Mongols in Russia]. 1223–1502 gg. / Perevod s nemetsk. yaz. i komment. M.S. Gatina. Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT, 2016 [in Russian].

[24] Zhan Pol Ru. Istoriya imperii Mongolov [History of Mongol empire] / per. s fr. Z. Z. Sazhinovoy; nauch. red. P. B. Konovalov, S. Sh. Chagdurov. - Ulan-Ude. [in Russian].

Шолахов М.Г.

ХАН БЕРКЕ ТУРАЛЫ БАТЫС ЕУРОПА ТАРИХНАМАСЫ

Аңдатпа. Хан Берке (1257–1266) туралы Батыс Еуропа тарихнамасы оның билігін Моңғол империясындағы саяси, әскери және діни өзгерістер аясында қарастырады. Еуропалық дереккөздер, соның ішінде Вильгельм де Рубруктың саяхат жазбалары және заманауи тарихшылардың еңбектері, Беркенің исламды қабылдауы, Хулагу ханмен қақтығысы және ислам мемлекеттерімен дипломатиялық қарым-қатынастары мәселелеріне ерекше назар аударады. XIX–XX ғасырлардағы тарихнамалық дәстүрлерде Берке көбіне дәстүрлі моңғолдық болмыс пен исламдық ықпал арасындағы тепе-теңдікті сақтаған прагматикалық билеуші ретінде сипатталады. Батыс зерттеушілері Тимоти Мэй, Джордж Лейн және Мари Фаверо-Дюменжу сынды ғалымдардың қазіргі зерттеулері оның билігін Жошы ұлысының трансформациясы және Алтын Орданың исламдануына ықпалы тұрғысынан талдайды. Батыс тарихнамасында Берке мен Хулагу арасындағы қарсыластық билік үшін ғана емес, исламданған және буддистік-қытайлық Шыңғыс ұрпақтарының идеологиялық үстемдігі үшін күрес ретінде де түсіндіріледі.

Кілт сөздер: Хан Берке; Батыс тарихнамасы; Жошы ұлысы; Ұлы Ұлыс; Моңғол империясы; Шыңғыс әулеті; мұсылман моңғолдар.

Sholakhov Murat

WESTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY ON KHAN BERKE

Annotation. Western European historiography on Khan Berke (1257–1266) examines his reign in the context of political, military, and religious changes within the Mongol Empire. European sources, such as the travel accounts of William of Rubruck and the works of modern historians, emphasize Berke's conversion to Islam, his conflict with Hulagu Khan, and his diplomatic relations with Islamic states. In 19th–20th century historiographical traditions, Berke was often portrayed as a pragmatic ruler balancing traditional Mongol identity with Islamic influence. Contemporary studies by Western scholars, including Timothy May, George Lane, and Marie Favereau-Dumenge, analyze his rule through the lens of the transformation of the Ulus of Jochi and its role in the further Islamization of the Golden Horde. The antagonism between Berke and Hulagu in Western historiography is interpreted not only as a struggle for power but also as a contest for ideological dominance between the Islamized and Buddhist-Chinese branches of the Chinggisid lineage.

Keywords: Khan Berke; Western historiography; Ulus of Jochi; Ulug Ulus; Mongol Empire; Chinggisids; muslim mongols.